

Что-то, а панику казаки создавать умели. С криками и гиканьем прорывались через плетни на огородах в хутора и в хохлацкие слободы и носились по улочкам. С разных сторон охватывали селения на границе с Воронежской губернией и как метлой выметали из них красногвардейские отряды. Позиционных стычек избегали и в землю не зарывались. Вагонами захватывали на станциях колючую проволоку, но она так и оставалась невостребованной. Да и нелюбимое это дело для казаков, хоть красных, хоть белых, — окопные сидения.

Вся осень 1918 года прошла в непрерывных боях по линии Грязе-Царицынской железной дороги. Станции на ней были объявлены красными начальниками крепостями, и они по десятку раз переходили из рук в руки. Особенно сильные и кровавые бои разгорелись у станции Калмык и потом долго ещё гундоровские казаки говорили:

- Ох, и покармычили же мы там!

Не раз вспоминали, как они отбивали возле этой станции красный бронепоезд и как поочередно занимали то станцию, то близлежащее село. Устав от бесконечной смены власти, его жители собрали своё ополчение и предупредили обе стороны, что они без железной дороги обойдутся, и так поезда не ходят, а к себе никого не пустят. И не пускали целых полтора месяца, но потом от первого же нажима белоказачьих войск ополчение разбежалось и пополнило ряды бесчисленного воинства дезертиров. Те сидели по своим землянкам тихо и дожидались исхода боёв.

Немало гундоровских казаков сложили свои чубатые головы на чернозёмных просторах Воронежской губернии, так и не дождавшись выделения того самого обещанного чернозёма для своего знатного пая. Чем ожесточённее шли бои, тем меньше вспоминали казаки про наделение землёй и прочими благами. Уцелеть бы!

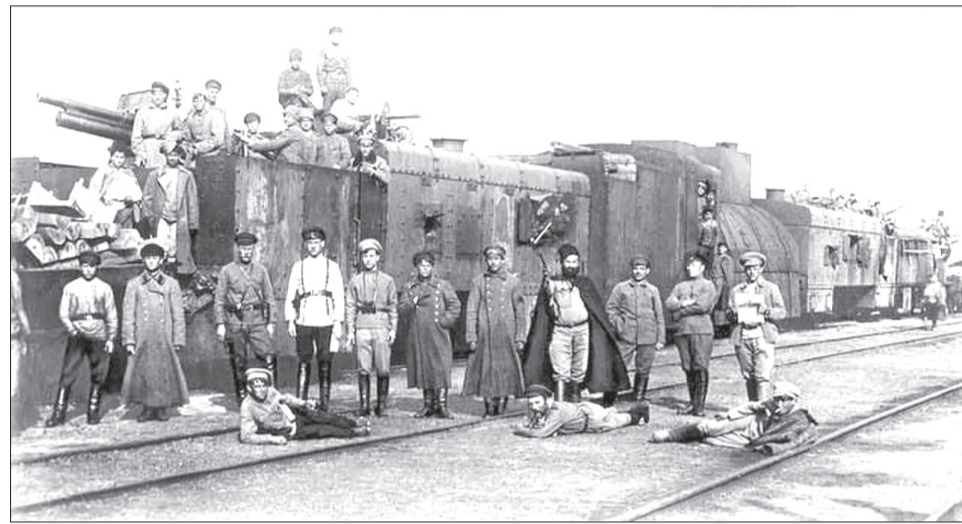
В Гундоровском полку перебежчиков на красную сторону не было, а в соседних частях попадались. И вот, чтобы укрепить боевой дух казачьих частей, Большой войсковой круг 20 сентября 1918 года принял указ о мерах борьбы с перебежчиками на сторону советских войск. В нём объявлялось:

«Признавая переход на сторону врага изменой Родине и казачеству, карать изменников по всей строгости закона с применением мер, полагающихся за измену. Если такого рода преступники временно не могут быть достигнуты непосредственной карой, немедленно постановлять приговоры о лишении их казачьего звания. К имуществу их применять беспощадную конфискацию с обращением конфискованного в казну на предмет пособия потерпевшим от гражданской войны гражданам».

В конце ноября 1918 года затвердела земля от первых морозов и словно затвердела оборона красных дивизий и полков. Из глубины страны были подведены лучшие части, составленные из добровольцев и мобилизованных рабочих. И это уже был не хлипкий заслончик, который разбежался при первых же гиканьях казачьей лавы. Особенно

стойкими оказались московские пролетарские полки. Те казаков ненавидели люто, ну и казаки отвечали им те же самым. Рабочих в распространяемых листовках призывали вспоминать, как по их спинам проходились казачьи нагайки, как топтали их строевыми казачьими конями во время маёвок, демонстраций и забастовок. Взаимной ненависти добавляли обращения, написанные собственноручно председателем Реввоенсовета Львом Троцким. В них он вешал:

«Солдаты Южного фронта! Для вас пробил час решительных действий. Белогвардейские банды должны быть раздавлены. Тесней сомкнитесь в ряды. Советская республика ждёт ваших подвигов и вознаградит вас по заслугам. Внѣ-

Бронепоезд красных войск. 1918 год.

рѣд, к победе!».

Троцкий сам вручал отличившимся в боевых действиях Южного фронта красноармейцам массивные серебряные портсигары, карманные часы, спичечницы и даже бритвенные приборы. На них красовались надписи: «Бойцу РККА от Реввоенсовета республики».

Коробку с такими наградами сотня Антона Швечикова захватила в здании вокзала при стремительном занятии станции Поворино. Хоть и подбивали односумы, но такой трофей утаить было нельзя, и Антон сдал его в штаб Гундоровского полка.

Смуцала, конечно, надпись на крышке часов, но такой точный прибор нужен был всем командирам, от взводного и выше. Раздали им каждому по часам, а командовавший в это время полком уроженец хутора Беленского Гундоровской станицы войсковой старшина Иван Никитич Коноводов от себя добавил:

— Возьмём Воронеж, и тогда получите часы золотые, а казакам всем выдадим серебряные. А потом как рванём к Москве, что будем эти часы по кремлёвским курантам сверять!

Казаки ворчали:

— Эко, как наши главковерхи размышлялись!

Но тайком прикидывали, как смогут при блестящих часах, других наградах и весомой добыче вернуться в родную станицу.

Глубокая осень 1918 года — это была пора, когда обе стороны, принимавшие участие в гражданской войне, — и красные, и белые — стали всё больше звереть в своей жестокой ненависти друг к другу, и тогда в боевых донесениях появлялось такое странное словосочетание: «пленных в бою не брали».

Потом немного помягчали и те, и другие. Однако на казаков это не распространялось. На первого захваченного в бою пленного из советского казачьего полка приходили смотреть, как на диковинку. Форма такая же, как и у гундоровцев, только без погоны, оружие и амуниция — те же, а он, по всему выходило, что враг, и обошлись с ним хуже, чем с врагом, тем же самым немцем или австрийцем. Из-за нехватки патронов в белоказачьих частях расправлялись со своими жертвами «неогневым способом». Придумали же такое штабисты! А им-то что! Всё равно на них жребий идти на такое задание не выпадал.

Милосердие и сострадание будто были утоплены в Дону, возле которого проходили непрерывные бои.

то и подкормить полки белых войск, стоявшие в резерве.

26 ноября 1918 года на фронте в Воронежской губернии и в глубине тылу в Новочеркасске отмечался свято почитаемый на Дону очередной кавалерский праздник — день Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Отмечался по-разному. В столице донского казачества — молебном, парадом и хлебом-солью, куда пригласили георгиевских кавалеров. На фронте — тоже молебном, который провёл полковой священник Гундоровского георгиевского полка отец Аристарх, сын настоятеля Свято-Серафимовской церкви хутора Швечикова отца Евлампия.

В местную церковь казаков завести не стали, хотя и было до неё меньше версты. Молебен был проведён по полковому чину, и свою проповедь отец Аристарх надолго затягивать не стал, однако весьма уместные слова нашёл:

«День Святого Георгия — теперь наш полковой праздник, поскольку нам с вами пожаловано это почётное наименование за боевые заслуги в идущей войне. Снова, други мои, вы бьётесь с врагами Отечества и донского казачества. Так же, как и во время германской войны, находитесь среди вас во множественном числе герои, достойные награды в честь Святого Великомученика и Победоносца Георгия, день памяти которого мы сегодня отмечаем. Взгляните на своих боевых друзей, у которых на шинелях сияют георгиевские кресты. Эти награды им достались в жестоких боях. Они смело шли в конные атаки, захватывали вражеские укрепления, громили тылы противника и добывали трофеи. Это те герои, которые всегда рядом с вами и на этой войне, навязанной нам захватчиками власти, они тоже стали примером для всех. Святой Георгий разил своих противников копьём. Вы делаете это очень похожей на него казачьей пикой. Пусть от неё исходит смертельная опасность для всех недругов и нечестивцев. Вы обязательно победите и принесёте избавление русскому народу от бед и страданий. Бог на нашей стороне!».

Казаки расхотелись с молебна в приподнятом настроении. Всем так хотелось верить, что война скоро закончится и они к рождественским праздникам вернутся домой. Надеяться они на такой исход напрасно, и уже в начале следующего 1919 года Гундоровский полк оказался на берегах знакомого с детских лет Северского Донца и стал участвовать в боях совсем рядом с родными куренями.

Сергей Сполох,

член Союза писателей России
Примечание: Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

Когда немного помягчали сердца казаков, а может, просто прослышали о расправах на другой стороне, тогда красноармейцев в мешковатых шинелях, побросавших оружие и поднявших вверх руки, стали собирать в кучи и гнать, словно скот, по дорогам до ближайших городов и сёл.

Там их после короткого допроса разделяли на группы. Узкоглазых китайцев и русоволосых латышей уводили в близлежащие лески сразу же. Оттуда они уже не возвращались. Выявленных комиссаров и коммунистов отправляли туда же, но чуть позже. С бывшими военспецами предоставляли возможность разбираться штабам белоказачьих отрядов.

У мобилизованных военкоматами красноармейцев требовали показать нательные крестики. У кого они были, тех отправляли в Богучар, в лагерь, из которого набирали попавших в плен красноармейцев в части белых войск.

Для них почти ничего не менялось. Такие же шинели, гимнастёрки, сапоги с портянками и винтовки-трёхлинейки. Знамена над головами развевались другие, да на плечах у командовавших подразделениями были погоны. Причём у некоторых, только что произведённых в офицерские чины, погоны сплошь и рядом были нарисованы химическим карандашом. В сильный дождь материя промокала, погоны расплывались, и трудно было понять, что за чин перед тобой, то ли подхорунжий с одной звёздочкой, то ли генерал, непонятно с какими регалиями.

Безкрестовые пленные отправлялись на ремонт разрушенных железных дорог и даже на срочные полевые работы, чтобы снискать пропитание себе и своим охранникам, а